

ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 1

М.А. Зими́на

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ РАСКОЛОТОГО Я. БЕЗУМИЕ КАК ФОРМА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО САМОПОСТРОЕНИЯ*

Индивидуальность в процессе самоактуализации встречает множество трудностей, препятствий, тупиков. Один из них — психическая болезнь, безумие. Задача данной статьи — проанализировать на литературном материале безумие как форму эскапизма по повести Ф.М. Достоевского «Двойник».

Традиционно считается, что «Двойник» генетически связан с художественным миром и поэтикой «Петербургских повестей» Гоголя (в частности, с «Записками сумасшедшего»). И действительно, в обоих произведениях прослеживается один сюжет, выстроенный сюжетобразующим мотивом безумия, используются одинаковые мотивные комплексы с незначительными отличиями в семантике отдельных мотивов. Но известно также, что на раннем этапе творчества одной из важнейших художественных задач Достоевского является преодоление го-

голевской традиции. Достоевский, создавая реалистический сюжет о безумии, выстраивает новую конфигурацию патогенных факторов и уравнивает их картиной безумия как расщепления личности. Каково концептуальное содержание данного соотношения? Почему Достоевский выбирает именно шизофрению в качестве клинического аналога мотива безумия?

Основным источником патогенности в «Двойнике» является картина социальной действительности с ее иерархией, внутренними отношениями, законами развития, подробно разработанная в повести. Но если бы концепция повести сводилась к описанию бесчеловечного общественного устройства, Достоевскому можно было бы не обращаться к теме безумия: и в «Бедных людях», и во многих позднейших произведениях, воссоздавая очертания социальной структуры,

* Работа выполнена под руководством д. филос. н., проф. А.Ф. Управителява.

он не использует мотив безумия в качестве сюжетостроительного. «Двойник» занимает особое место в его творчестве, поскольку общественные отношения в повести раскрываются не только и не столько в социальном смысле. Ощущение необычности и новизны «Двойника», о котором Достоевский писал брату [3, с. 118], было связано с открытием плана человеческой экзистенции: социализация необходима герою повести не ради социальных благ, а для того, чтобы обрести экзистенцию, абсолютную человеческую сущность, самореализоваться. Действия Голядкина (героя повести) нацелены на обретение свободы существования. Голядкин предпринимает попытки социализации просто потому, что не знает иных способов осуществления я-экзистенции. У него нет иных моделей свободного существования, кроме тех, которые предлагает ему литература, культура, общество.

Герой полагает, что сможет ощутить себя как личность только после того, как наденет приличный костюм, пересчитает деньги в бумажнике и сядет в карету. Но когда он реализует эту готовую модель, оказывается, что она не срабатывает: ни костюм, ни карета, ни даже «значительная» сумма денег не делают его свободным. Даже Петрушка, лакей Голядкина, не признает его личной состоятельности, реагируя на странное поведение барина «глупой улыбкой». На каждом этапе проигрывания его модели освобождения от социальной зависимости Голядкин терпит неудачу, не только не обретая свободу, но оказываясь еще более угнетенным. Разум Голядкина сокрушает именно то, что надежная, как ему казалось, модель оказывается неэффективной. Это приводит героя к внутреннему, психическому расколу. Голядкин не может поверить в то, что модель не работает. Он приходит к выводу, что причина неудачи в нем самом, в том, что он, Голядкин, не сумел правильно подойти к делу: «Струсить-то наше дело, вот оно что!.. Нагадить-то всегда наше дело: об этом вы нас и не спрашивайте» [2, с. 132]. Успешной социализации и свободы от социума можно достичь, пользуясь данными ему средствами, но для этого нужно быть не Голядкиным, а кем-то иным, нужно обладать иными способно-

стями, нужно отказаться от собственно-го Я, разрушить свою цельность, идентичность. Бред Голядкина сводится к сотворению идеального мира, в котором двойник достигает всего, чего не удалось достичь герою. Двойник - социально адаптированный, успешный и свободный в том смысле, который Голядкин вкладывает в это понятие — представляет собой идеально воплощенную модель социальной свободы личности, соответствующую культурным, литературным, общественным стереотипам того времени.

Голядкину-старшему, пережившему безуспешную попытку реализации этой модели, остается борьба с успешным двойником за собственную идентичность, за те остатки свободы, которые двойник уверенно присваивает, хитростью выманивая у Голядкина его замыслы и тайны. Вначале жалкий, несчастный двойник появляется в роли просителя: «...решился я обратиться к вам и изложить вам затруднительное мое положение» [2, с. 155], предоставляя Голядкину возможность покровительствовать кому-то еще более несчастному, чем он сам. Голядкин становится на время наставником, превращается в отца (социальные отношения в повести описываются через метафору семьи): «Бедный человек, - думал он, - да и на месте-то всего один день; в свое время пострадал, вероятно; может быть, только и добра-то, что приличное платьишко, а самому и пообедать-то нечем. Эк его, какой он забитый!» [2, с. 154] и остается отцом до тех пор, пока сохраняет неприкосновенность собственного Я. Раскрываясь, исповедуясь двойнику, Голядкин теряет отцовский статус (отец никогда не стал бы исповедоваться перед сыном), полностью утрачивает свое Я, свой мир со всем его сокровенным содержанием и передает его двойнику. То, что принадлежало только герою, было его миром, тайной, его сокровенным, разоблачается. Такую форму принимает в «Двойнике» процесс расщепления личности героя-безумца, в котором ложное Я становится все могущественнее, а его взаимодействие с истинным Я приобретает все более репрессивный характер. Предел саморефлексии Голядкина - в осознании происходящего как наказания за собственную вину, грех, в пережива-

нии стыда за прошлый проступок, который возвращается к нему в снах и галлюцинациях: он соблазнил «тоненькую немочку», Каролину Ивановну, у которой снимал комнату, обещал жениться на ней и не женился: «Мы, сударь, лакомы <...> до тоненьких, хотя, впрочем, и не лишенных еще приятности немочек; квартиры у них нанимаем, их нравственность соблазняем, за бир-суп да мильх-суп наше сердце им посвящаем да разные подписки даем» [2, с. 202]. В черновиках Каролина Ивановна описана как «бедная, очень бедная, хромоногая немка, отдающая комнаты внаймы, которая когда-то помогала Голядкину и которую младший проследил, которую боится признать старший» [4, с. 435]. Голядкин-младший, замещая Голядкина-старшего, пытается приобрести функцию отца, наказывающего героя за его грехи.

В конце концов, полностью проигрывая двойнику, беспомощный, как младенец, герой сам приходит к «отцу», к «его превосходительству» директору департамента, с просьбой о защите и поддержке. На этом цикл развития безумия героя завершается и оно распознается окружающими. Как только обнаруживается, что Голядкин сумасшедший, он перестает быть социальной единицей и включается в антропологический круг: становится просто больным человеком, который отличается от всех остальных не чином, не состоянием, а только тем, что он болен. В последней главе повести героя окружает «общее участие», он примиряется с людьми и с судьбой, ему предоставляют «казенный квартир, с дровами, с лихт и с прислугой» [2, с. 229], освобождая его от забот о самом необходимом. Цель достигнута: Достоевский привел Голядкина к полноте осуществления той стратегии, на почве которой возникает его сумасшествие. Он обретает свою экзистенцию, получая полную свободу безумца от социальной зависимости.

Итак, можно определить место и функцию данной повести Достоевского в европейском дискурсе безумия. Платон считал творчество священным безумием. Романтики концепировали безумие как творческое, гениальное начало как способ создания идеального инобытия. Гоголь в «Записках сумасшедшего» развивает концепцию безумия как способа осуществления социального идеала. Поприщин Гоголя, герой-безумец «Записок сумасшедшего», хочет найти себе место в социуме и получает его, превращаясь в пространстве бреда в испанского короля. Голядкин Достоевского, наоборот, пытается уйти от социума, который теснит, давит, окружает его, рассматривает его со всех сторон. В «Двойнике» безумие становится материалом, позволяющим наиболее полно осуществить идеал социальной свободы. Эскапизм как важнейший бонус безумия был известен со времен Элиана [5, с. 49]. Достоевский открывает проблему экзистенциального концепирования эскапизма, рассматривая его как способ обретения я-экзистенции и реализуя в нарративе безумия стратегию обретения экзистенциальной свободы.

Библиографический список

1. Гоголь Н.В. Записки сумасшедшего / Н.В. Гоголь // Собр. соч.: в 6 т. М., 1959. Т. 3. С. 157-177.
2. Достоевский Ф.М. Двойник / Ф.М. Достоевский // Полное собр. соч.: в 30 т. Л., 1972. Т. I. С. 109-230.
3. Достоевский Ф.М. Письма 1832-1859 / Ф.М. Достоевский // Полное собр. соч.: в 30 т. Л., 1985. Т. 28.
4. Достоевский Ф.М. Черновые наброски к предполагавшейся переработке повести (ЧН₂) / Ф.М. Достоевский // Полное собр. соч.: в 30 т. Л., 1972. Т. I. С. 435-437.
5. Элиан К. Пестрые рассказы / К. Элиан. М., 1995.

